

ПРОБЛЕМЫ УСТРАНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В СВЕТЕ УЧЕНИЯ ОБ ИСТИНЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи учения об истине в уголовном судопроизводстве с проблемой судебных ошибок. Сделаны аргументированные выводы, во-первых, о необходимости теоретического рассмотрения и дальнейшего развития концепций конвенциональной и процессуальной истин в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, вовлечение в уголовный процесс истины, отличной от объективной, не является причиной изменения (увеличения или уменьшения) количества судебных ошибок, допущенных при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Вопрос об истине в уголовном судопроизводстве последние полтора десятилетия прочно обосновался в центре внимания правоведов-процессуалистов. Ученые задаются вопросом: какая истина – объективная (материальная, действительная) или формальная (судебная, процессуальная) должна считаться целью уголовного судопроизводства?

Уголовно-процессуальное доказывание как разновидность познавательной деятельности основывается на признании возможности установления фактических обстоятельств уголовного дела. Иное лишало бы смысла деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств. Между тем указанная деятельность в большей степени связана с получением вероятностного знания, нежели его антипода – достоверного знания, которое большинство процессуалистов отождествляют с понятием «истина». Позволим себе не согласиться с данной распространенной позицией по нескольким причинам. Во-первых, из философии известно, что стремление к достоверному знанию сродни стремлению к абсолютному – носит бесконечный характер. Поскольку процесс доказывания ограничен временными рамками и человеческими возможностями, результатом уголовно-процессуального познания явится вероятностное знание. Во-вторых, как писали Р.С. Белкин, И.А. Винберг, «количественное увеличение вероятностного знания еще не приводит к достоверности; из суммы вероятностей не рождается достоверность, ибо по-прежнему, как бы высока ни стала степень вероятности, мы имеем дело только с предположением» [1]. В-третьих, многоступенчатость в познании истины от относительной до абсолютной больше свойственна познанию истины в философском аспекте, и распространить концепцию абсолютной истины на познание истины в уголовном процессе неприемлемо, так как это может привести к существенным нарушениям закона при отправлении правосудия; судами могут быть постановлены приговоры, основанные на «приблизительных дан-

ных, на предположениях или правосознании» – что, к великому огорчению, допускал А.Я. Вышинский [2].

Таким образом, вопрос о том, каким наименованием будет обладать истина в уголовном процессе (абсолютная, относительная, объективная, формальная и т.д.), имеет главенствующее значение для определения степени ее познания. В этой связи в рамках настоящей статьи рассмотрим вопрос о том, как понятие «истина» взаимосвязано с возникновением и последующим устранением (или неустранением) судебных ошибок.

Видные дореволюционные процессуалисты (И.В. Михайловский, Н.Н. Розин и другие) приходили к выводу, что состязательная форма уголовного процесса несовместима с требованиями достижения материальной (объективной) истины, потому как последняя является проявлением принципа публичности и непременно приведет к инквизиционному уголовному процессу. И.В. Михайловский писал: «Задачей всякого, в том числе уголовного суда, должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [3]. «Условности в виде юридических фикций, презумпций, процессуальных сроков и прочее, которыми насыщен уголовный процесс» – это все то, что позволяло еще Н.Н. Розину говорить о недостижимости объективной истины [4].

Точки зрения о том, что суд полной достоверности знаний по делу установить не может, а в состоянии лишь достигнуть более или менее высокой степени вероятности этих знаний, придерживался Л.Е. Владимиров: «Фактической достоверности не существует объективно, она есть только известное состояние нашего убеждения» [5].

В.А. Случевский, отрицая объективный характер истины, устанавливаемой судом, писал: «О полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден, по несовершенству

средств человеческого правосудия, удовлетворяясь по необходимости более или менее высокой степенью вероятности» [6]. В.Д. Спасович придерживался подобных взглядов: «Из несовершенства нашего наблюдательного снаряда, из недостаточности наших органов познавательных следует, что эта достоверность, которой человек добивается изо всех сил, не может быть безусловная, а только относительная. Наша достоверность только гадательная» [7].

И.Я. Фойницкий также указывал на невозможность полного познания истины судом: «Общепринято ныне то положение, что вещей самих в себе, сущности их мы знать не можем; нашему знанию доступны только наблюдаемые нами отношения и изменения вещей; но так как и насколько эти отношения и изменения суть отношения и изменения реальные, то и настолько – и знания наши реальные». И далее: «Научное знание требует наивысших степеней достоверности... человек практической деятельности, земледelec, купец и т. п. вынужден довольствоваться менее точными знаниями ... среди них занимает судья...» [8]. Изменения в государственном устройстве в 1917 году облачили уголовное судопроизводство в публичную форму, и советские ученые обосновали установившуюся форму уголовного процесса и связанную с ней необходимость познания объективной истины по уголовному делу. Однако и среди советских процессуалистов находились те, кто поддерживал точку зрения о недоступности для суда полной достоверности знаний, а следовательно, и невозможности установления абсолютной истины по делу. В частности, М.А. Чельцов обосновывал данную позицию ссылкой на слабую сторону применения правил формальной логики в судебном исследовании. Он считал, что в судебной деятельности нельзя использовать законы природы, он предлагал основывать судебную достоверность на приближительных опытных обобщениях [9].

Советская идеология в области уголовно-процессуального доказывания нашла свое научное закрепление в вышедшей в 1966 году «Теории доказательств в советском уголовном процессе». В ее основе лежала гносеология диалектического материализма, провозглашающая, что советский следователь, суд в силах отыскать истину по каждому уголовному делу, чего не могут в западных странах.

Как отмечалось, стремление к абсолютному имеет бесконечный характер. Так и в судопроизводстве абсолютная истина является «запредельно поднятой планкой», высоту которой невозможно преодолеть с точки зрения практи-

ческой деятельности. Между тем отмечалось, что «относительная истина относится к истине абсолютной, как часть к целому, и служит ступенью к достижению последней... Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, является истиной абсолютной и одновременно относительной, в силу неполного и неконкретного познания явления выступает как истина относительная» [10]. Однако, как утверждали приверженцы концепции абсолютной истины, если в уголовном процессе по каждому уголовному делу может быть установлена абсолютная истина и нет никаких препятствий этому, то не только следует стремиться к познанию истины, но по существу исключить даже самую малую вероятность недостижения этой цели. Кроме этого, реально существующие многочисленные факты такого рода объяснять неудовлетворительным выполнением своих функций практическими работниками. В поддержку данной теории выступал, в частности, М.С. Строгович: «Если истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто и преступник не изобличен, ... значит, следствие и суд не справились со своей задачей, допустили серьезное нарушение законности» [11].

Позднее А.И. Трусов обоснованно заметил, что в борьбе с отголосками сталинских времен в науке «проявилась крайность иного рода – роль случайного фактора в процессуальном доказывании вообще стали сбрасывать со счета. Достоверное установление истины в уголовном судопроизводстве при этом некоторым стало представляться делом чрезвычайно легким... Порождая иллюзии наивного гносеологического оптимизма в отношении оценки познавательной ситуации в судопроизводстве, подобный подход чрезвычайно упрощает задачу установления истины по судебному делу, ведет к недооценке тех многочисленных факторов, которые могут как способствовать, так и препятствовать ее установлению» [12].

Демократические изменения в государстве, произошедшие в 90-х годах XX века, во многом возродили достижения дореволюционной правовой мысли, что нашло отражение в работах более молодых ученых. В частности, Е.Б. Мизулина пишет, что «судья может прийти к своему выводу о рассматриваемом им событии лишь логическим путем, сопоставляя мнения, суждения, доказательства, проверить же его опытным путем он не в состоянии... В этом смысле «истина», добытая логическим путем и не лишенная в силу своей непроверяемости некоторой умозрительности, всегда остается уяз-

вимой для критики и навряд ли может быть отнесена к разряду научных. В лучшем случае, на что может претендовать такая судебная «истина», пусть и достаточно обоснованная и логически верная, это на статус гипотезы. Спорить о том, устанавливает или нет суд истину, так же бессмысленно, как доказывать, что бог не существует, ибо его никто не видел» [13].

С.А. Пашин замечает, что «с помощью доказательств не устанавливается истина, а обосновываются определенные выводы...» [14]. По мнению Н. Григорьевой, «в соответствии с принципом состязательности суд выносит решение только на основании того материала, который представили стороны, даже если, по мнению суда, он не отражает полностью всех обстоятельств дела» [15].

Провозгласив Российскую Федерацию демократическим государством, Конституция РФ, таким образом, утвердила режим плюрализма мнений как неотъемлемое свойство демократии. Плюрализм в контексте уголовного судопроизводства несовместим с утверждением единоличного господства концепции объективной истины. Только в режиме плюрализма, открывающего свободу конкуренции истин, возможна состязательность в уголовном процессе. В этой связи имеет право на существование конвенциональная концепция истины. Конвенциональной считается истина, признаваемая таковой по конвенции, соглашению между сторонами. Суждение в соответствии с указанной концепцией является истинным не потому, что соответствует действительности, а потому, что субъекты условились считать его истиной. В уголовном судопроизводстве в соответствии с конвенциональной концепцией истины истинным признается то, к чему пришли стороны по взаимному соглашению (конвенции). Ярким примером реализации концепции конвенциональной истины в уголовном процессе многие видят признание лица невиновным при недоказанности его вины. Закон предусматривает такую ситуацию, устанавливая, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, дело прекращается или суд выносит оправдательный приговор. Объективная истина не установлена, и правовые последствия этого не вызывают сомнений: недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности. В качестве еще одного примера реализации указанной концепции в уголовном процессе следует рассматривать и институт, закрепленный в главе 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением», иначе

называемый сговором (сделкой) о признании.

Идеальной представляется та ситуация, когда суд, рассматривая дело в состязательном процессе, установит в уголовно-правовом споре объективную истину и восстановит справедливость, о чем пишет А. Тушев: «...решение суда все-таки должно базироваться на объективной истине. Иначе ни о какой справедливости не может быть и речи. Состязательность – это способ достижения истины» [16]. «...Без истины нет правосудия, истина есть единственно незыблемая основа справедливости», – заключает Г.В. Софронов [17].

Итогом уголовно-процессуальной деятельности является вынесение решения по делу. Поэтому даже в тех условиях, когда объективная истина просто недостижима, суд обязан принять законное, обоснованное и справедливое решение. В этом и заключается предназначение процессуальной истины в доказывании по уголовному делу. Процессуальной, в теории доказательств, принято считать истину, которая соответствует не объективной действительности, а каким-то заранее заданным условиям, правилам, истинность которых постулируется, необходимо соответствие судебного процесса требованиям процессуального закона. В советский период формальная истина противопоставлялась объективной истине и подвергалась критике как нечто присущее капиталистическому строю. Между тем, во-первых, значение процессуальной формы, формальных моментов в уголовно-процессуальном доказывании трудно переоценить. Наиболее ярко это проявляется в ходе оценки допустимости доказательств, где решающее значение чаще всего имеют именно вопросы формы, а не соответствия доказательств фактам объективной реальности.

Во-вторых, провозглашенный Конституцией РФ принцип состязательности судопроизводства включает в себя оперирование юридическими презумпциями, фикциями. В этой связи вполне логично с позиции развития принципа состязательности выглядит норма, содержащаяся в ст. 90 УПК РФ, которая устанавливает преюдициальное значение для конкретного дела приговоров, вынесенных по уголовным делам. Прогрессивная новелла дает основание полагать, что законодатель наконец-то увязал принцип состязательности уголовного судопроизводства и процессуальную истину.

В-третьих, правовая оценка установленного события соотносит деяние не с объективной действительностью, а с нормой закона. Уголовный закон же выступает в роли постулата, истинность которого резюмируется. Таким обра-

зом, налицо соответствие одного понятия не объективной действительности, а другому понятию, истинность которого постулируется. Следовательно, истина, достигаемая при правовой квалификации деяния, носит четко выраженный формальный характер. Значит, с позиции процессуальной истины квалификация преступления включается в содержание истины по уголовному делу.

Было бы неверным утверждать, что стороны объединены стремлением к единой цели – установлению истины. Подсудимый и защитник далеко не всегда заинтересованы в этом – их вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, преступление не раскрыто, виновный не установлен. Ведь при недоказанной виновности обвиняемый считается невиновным, а именно обвинитель должен доказать суду, что им установлена искомая истина – в противном случае подсудимый должен быть оправдан. В этой связи показателем реализации назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) явится количество судебных (следственных) ошибок, допущенных при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, в том числе и латентных.

Г.П. Химичева, О.В. Мичурина, О.В. Химичева, В.С. Мичурин считают, что «в уголовном судопроизводстве ошибки могут быть допущены при принятии процессуальных решений и производстве следственных действий. Ошибки в мыслительной деятельности, – по мнению указанных авторов, – также могут иметь место, например, в ходе оценки собранных доказательств. Но только такие ошибки, не будучи объективно выражены в принимаемых по уголовному делу решениях и производимых процессуальных действиях, никакого юридического значения не имеют» [18]. Между тем полностью разделить данную позицию не представляем возможным, поскольку мыслительная деятельность в ходе оценки доказательств, как думается, составляет основу для принятия процессуальных решений. Поэтому ошибки, допущенные в ходе мыслительной деятельности, даже несмотря на отсутствие объективного выражения, не могут не иметь юридического значения для уголовного дела в целом.

Более того, ошибки, допущенные при проведении отдельных следственных действий, носящие частный характер, видятся менее опасными, нежели ошибки в мыслительной деятельности, результатом которой является вынесение процессуального решения, в том числе и приговора как акта правосудия, носящего итоговый характер по делу.

Закрепление в УПК РФ института «сделок о признании вины», при реализации которого во главу угла поставлено именно добровольно принимаемое сторонами соглашение, говорит о том, что законодатель рассматривает под понятием «истина» в уголовном судопроизводстве не только объективную, но и конвенциальную и процессуальную истину. Это подтверждают и результаты деятельности судов по реабилитации жертв политических репрессий. Если бы целью правосудия являлось исключительно познание объективной истины, следовательно, суды, отменяя приговоры тех лет, обязаны были бы направить дела для проведения дополнительного расследования (что явилось бы полнейшим абсурдом), а не ограничиваться констатацией отсутствия доказательств вины.

Результатом проведенного нами обобщения 226 кассационных и надзорных определений Оренбургского областного суда, 297 уголовных дел из опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ с 1998 по 2003 год на предмет установления причин недостижения истины по отдельным уголовным делам явилось следующее: как нам видится, основная причина судебных ошибок таится прежде всего в субъективном факторе – 83% изученных уголовных дел. Это имеет отношение к судебным стадиям – так или иначе, но любой судебный акт содержит в себе значительный элемент субъективности – ведь фактически решение принимается людьми, а посему характер этого решения зависит от множества обстоятельств: это и психологические особенности личности судей, порой влекущие обвинительный уклон при отправлении ими правосудия, профессиональная квалификация и просчеты логического характера, заключающиеся, например, в построении ошибочных выводов из совокупности имеющихся доказательств, а порой и личная заинтересованность. В более значительной степени субъективный фактор проявляется на предварительном следствии. Так было установлено 69% ошибок (следственных) от общего количества судебных ошибок. Помимо названных причин сюда можно отнести неполучение, утрату необходимой для правильного решения дела информации по вине органов уголовного преследования; недостаточно полную и тщательную проверку достоверности доказательств и основанных на них выводов. Оставшиеся 17% судебных ошибок связаны с ситуациями, в которых по объективным причинам установление истины по делу составляет значительную трудность или невозможно.

По обоснованному утверждению В.К. Гавло и С.Э. Воронина, природа судебных ошибок, в отличие от следственной и экспертной, в юридической литературе недостаточно исследована [19]. Авторы полагают, что в анализе судебных ошибок можно использовать общепринятую в юридической литературе классификацию следственных ошибок. Соответственно различают процессуальные, гносеологические и организационно-тактические ошибки. В качестве причин судебных ошибок, кроме того, что они, безусловно, инициируются ошибками предварительного следствия, могут быть названы и такие: отсутствие профессионализма судьи – в большей степени это касается мировых судей; морально-нравственные и иные стереотипы, лишающие судью объективности; корпоративная этика судей. Кроме того, по мнению отдельных авторов, всем видам ошибок присуще качество системности – процессуальная или организационно-тактическая ошибка влечет за собой гносеологическую ошибку, так как вынесенный с нарушением процессуальной формы приговор не может устанавливать истину по уголовному делу.

Необъективность судьи подчас может стать причиной судебных ошибок в случае осознанного проявления корпоративной судебной этики, что, по мнению В.М. Бозрова, особенно актуально для «правосудия в погонах» [20], в том числе и тогда, когда вышестоящий суд, рассматривая дело, в силу корпоративных интересов стремится принять сторону нижестоящего суда и оставить приговор без изменения. Кроме того,

необъективность судьи может быть вызвана и рядом других факторов, например в случае рассмотрения дела о преступлении судьей, пострадавшим от аналогичного преступления в прошлом, т. е. когда сам судья или его родственники пострадали, например, от квартирной кражи.

Оценивая результаты проведенного нами анкетирования судей, прокуроров, следователей, адвокатов г. Оренбурга и Оренбургской области на предмет того, что является главной причиной судебных ошибок и недостижения истины по делу, мы получили следующие данные: 42,2% опрошенных указали на недостаточную профессиональную квалификацию лиц, осуществляющих производство по делу; 34,4% – указали на ненадлежащее выполнение работниками органов предварительного расследования своих обязанностей; 12,1% – указали на невозможность достоверного установления всех фактических обстоятельств дела; 11,3% опрошенных сослались на личную заинтересованность и коррумпированность органов предварительного расследования и судей.

Таким образом, во-первых, налицо необходимость теоретического рассмотрения и дальнейшего развития концепций конвенциональной (процессуальной) истины в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, смеем предположить, что вовлечение в уголовный процесс истины, отличной от объективной, не является причиной изменения (увеличения или уменьшения) удельного количества судебных ошибок, допущенных при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Список использованной литературы:

1. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). «Юридическая литература», 1969. С. 206.
2. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950. – С. 217.
3. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С.16.
4. Розин Н.Н. Ложь в процессе // Право.1910, №48. Ст. 2898.
5. Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Харьков, 1873. – С. 99.
6. Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. Спб., 1892. – С. 397.
7. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. СПб., 1861. – С. 15-16.
8. Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 172.
9. Там же. С. 252-259.
10. Там же. С. 57,59.
11. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1958. С. 329.
12. Трусов А.И. Проблемы надежности доказывания в советском уголовном процессе. М., 1984. – С. 6-7.
13. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Дисс. ... д-ра юрид. наук. – Ярославль, 1991. – С. 97.
14. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. – М., 1995. – С. 312, 322.
15. Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства // Российская юстиция. 1995. №8. С. 40.
16. Тушев А. Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. №4. С. 34.
17. См.: Софронов Г.В. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург. С. 14,18.
18. Химичева Г.П., Мичурина О.В., Химичева О.В., Мичурин В.С. Проблемы нарушений уголовно-процессуальных норм при возбуждении и прекращении уголовных дел, способы их устранения. Монография. М., 2004. – С. 24.
19. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. – С. 12.
20. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России / Автореф. докт. дисс. – Екатеринбург, 1999. С. 40-45.